

С. С. Алексеев:

- Нужно проводить целостное правовое строительство, опираясь на крупные законодательные блоки.
- Важно утверждать в нашей правовой системе международно признанные права человека.
- Роль Комитета конституционного надзора я рассматриваю в принципе как уже конституционного суда.
- Заключение о недопустимости применения неопубликованных актов о правах, свободах и обязанностях граждан составляет гордость Комитета.
- Нам нужны специалисты высокой пробы, юристы экстракласса.

В этом номере редакция журнала «Правоведение» открывает новую рубрику Клуб «Ex professo». Мы планируем, что гостями нашего клуба будут видные юристы, ученые, практические работники. Читатели смогут узнать их мнение по актуальным вопросам правовой реформы, деятельности высших законодательных органов, работы правоохранительных структур, сегодняшним проблемам правового строительства, нормотворчества, правоприменения, правовой культуры, а также подготовки специалистов в области юриспруденции. Предоставлять слово в открываемой рубрике журнал будет квалифицированным, авторитетным специалистам, ибо латинское выражение ex professo означает высказывание со знанием дела, обстоятельно по своей специальности, профессии.

Открывает рубрику интервью Председателя Комитета конституционного надзора СССР, директора Института философии и права Уральского отделения АН СССР, члена редколлегии журнала «Правоведение», чл.-кор. АН СССР, проф. Сергея Сергеевича Алексеева, которое он дал ответственному секретарю журнала С. В. Бахину.

Сергей Сергеевич, мой первый вопрос касается правосудной реформы, ее результатов и перспектив. В последнее время больше затрагиваются и рассматриваются ее отдельные аспекты, и гораздо меньше мы говорим о правовой реформе как целостной концепции преобразования нашей правосудной системы, о направлениях правовой реформы, ее этапах, содержании, ближайших и отдаленных перспективах.

Я считаю, что вопрос правомерный, и мне уже пришлось где-то писать, что Верховный Совет СССР при всей его очень большой активности (а мне тоже довелось на первых порах участвовать в этой работе) все же идет за бурно текущими событиями, обращается к вопросам, которые выдвигает сама жизнь, но не осуществляет правовой реформы планомерно и целеустремленно. Предъявлять какие-то особые претензии в данном случае невозможно — Верховный Совет только обретает законодательную силу. Тем не менее было бы весьма оправданно, если бы он проводил такую стратегическую линию в своей дея-

тельности и своей деятельностью. В этом вопросе мы с Ю. Х. Калмыковым и В. Ф. Яковлевым занимаем одну позицию, и не раз говорили о том, что, видимо, надо начинать работу с узловых проблем. Конечно, время нас торопит, и не уйдешь от тех вопросов, которые нужно решать сегодня, в том числе от вопросов, связанных с переходом к товарно-рыночному хозяйству. Необходимо ввести в действие множество актов, много у нас жгучих, неотложных проблем, отстающих участков. И все же я считаю, что нужно проводить целостное правовое строительство, опираясь на крупные законодательные блоки. С этой точки зрения жаль, что мы задержались с Конституцией. Надо было начать с этого основополагающего закона, а потом приступать к крупным блокам: гражданскому законодательству, административному, уголовному. Они определили бы стержень, становой хребет правовой системы. К сожалению, мы порой застреваем на частностях. Скажем, важный вопрос о собственности. Но собственность — это часть и конституционного, и гражданского законодательства. Лучше все это решать в комплексе, т. е. охватывать в процессе правовой реформы сразу достаточно широкие области. Это первое. Второе, к чему хотелось бы привлечь внимание, тоже очень важно. Нам надо поскорее выходить на передовой уровень мировой юридической цивилизации. Кое-что в этом вопросе уже делается. С известной гордостью за своих товарищей, За весь Комитет конституционного надзора могу сказать, что мы тоже этому способствуем. Но сделать предстоит еще очень много, мы пока только вступили на этот путь.

В Законе «О конституционном надзоре в СССР» особо выделена деятельность Комитета по охране конституционных прав и свобод личности. Как осуществляется работа в этом направлении, что предстоит сделать?

С этой точки зрения очень важно утверждать в нашей правовой системе международно признанные права человека. У нас раньше много говорилось о правах личности вне связи с тем, как этот процесс идет во всем мире на современном этапе. Поскольку Комитет имеет право выносить заключения, опираясь на международные соглашения, к которым присоединился Советский Союз, мы занялись делом, которое первоначально не было заложено в наши функции, — начали постепенно пересматривать законодательство со точки зрения соответствия его универсальным соглашениям по правам человека. Скажем, Комитет вынес заключения о прописке, по вопросам прав потребителей. Конечно, мы не решили связанные с этим проблемы, но привлекли к ним внимание, обозначили направление, русло для деятельности законодателя. Или другое заключение, составляющее нашу гордость, в котором признаны неконституционными и не соответствующими международно-правовым соглашениям все акты, касающиеся прав человека, его свобод и обязанностей, если они не опубликованы. Думаю, что многие руководящие органы еще не осознали до конца, какой корень мы подрубили этим своим заключением. Согласитесь, всякая тоталитарная система держится на секретности. Принятым решением мы как бы выбиваем такую почву из-под ног. Иными словами, через свои заключения мы в какой-то степени внедряем в нашу юридическую систему известные правовые принципы, исходные начала, связанные с признанными всем международным сообществом правами человека. Повторю, правовая система должна строиться по крупным блокам и на нынешнем уровне развития цивилизации. И не только с технико-юридической стороны, но и с точки зрения сущностных социально-полити-

ческих моментов. Права и свободы человека — один из важнейших блоков в этой структуре.

В последнее время нам пришлось отказаться от убеждений, что международно-правовые нормы о правах человека не только полностью реализованы в советском законодательстве, но в ряде случаев идут значительно дальше провозглашенных в международных соглашениях стандартов. Не выдержали проверки временем представления, будто в сфере прав человека у нас все безупречно. Как оценить объем работы, который предстоит в этой области?

Думаю, что объем работы большой. Здесь мне вновь хотелось бы вернуться к нашему Комитету, которому, быть может, волею судеб или самой историей отведена столь важная роль. Признавая неконституционными, не соответствующими международным нормам о правах человека какие-то пласты действующего законодательства, мы тем самым как бы определяем направление, по которому двигаться нельзя, определяем, что движение возможно лишь в сторону международно признанных прав человека. Сам Комитет эти вопросы не решает, но дает законодателю своего рода ориентиры, нацеливает на определенный уровень, который уже обозначен в заключениях, принятых Комитетом. Мы обязательно будем двигаться этим путем, привлекая внимание прежде всего к вопросам кардинальным, имеющим принципиальное значение для всей правовой системы. Главное наше предназначение на нынешнем этапе — с точки зрения принципов, исходных начал права обозначить те параметры, которые вывели бы нас на современный уровень цивилизованного понимания международно признанных прав человека. Вы согласны с тем, что это имеет огромное значение? Кстати еще не все осознали, не все понимают, насколько это важный вопрос. Над этой проблемой мне немало пришлось поработать в Комитете по законодательству Верховного Совета. То, что делает сейчас наш Комитет, не менее значимо с точки зрения правовой системы. Надо, чтобы все поняли: вопрос о правах человека — кардинальный.

В соответствии с законом Комитет имеет право законодательной инициативы. Предполагает ли это, что Комитет может выступать с инициативой о присоединении СССР к действующим международным соглашениям, в том числе по правам человека?

Несомненно, и этот участок работы нам действительно надо взять на заметку и, привлекая специалистов, выступить с такой инициативой, коль скоро мы в этом направлении свою работу строим. Я, например, с большим сомнением отношусь к тому, что Комитет будет целиком готовить какие-то проекты. Непонятно в этом случае, как они будут потом выглядеть с точки зрения наших последующих функций? Ведь роль нашего Комитета я рассматриваю в принципе как уже конституционного суда. Если мы выступим с законопроектом сами, то под каким же конституционным оком он должен находиться? Поэтому уж лучше нам взять тот участок, о котором вы говорите. Будем выступать с инициативой, согласовывая это, конечно, с Министерством иностранных дел. Знаете, это действительно важно, чтобы то, что продумано и принято международным сообществом, входило в ткань нашего законодательства.

В последнее время все чаще говорится о создании общеевропейского правового пространства, в том числе и в сфере прав человека. Можно ли проследить наше подключение к этому процессу?

Да, речь действительно ведется, но, мне кажется, в некоторых случаях без знания существа дела. Не так давно я знакомился с работой Суда Европейских сообществ в Люксембурге. Видимо с точки зрения формирования общеевропейского права именно суд в Люксембурге играет решающую роль. Суд в Страсбурге, конечно, тоже важный орган; в ближайшее время будет поставлен вопрос о включении туда нашего специалиста. Но с точки зрения формирования общеевропейского права (в том числе и по правам человека) решающую роль играет суд в Люксембурге. Выработкой прецедентов, основополагающих принципов он действительно утверждает европейское право, выходящее на права человека. У них рассмотрен ряд дел прецедентного характера, где для всего Европейского сообщества утверждены некие барьеры, определенные принципы, которые должны быть установлены в сфере защиты прав личности. Думаю, надо быстрее налаживать контакты со Страсбургским судом по правам человека и судом в Люксембурге. В Люксембурге, скажем, я договорился, что они примут наших стажеров. Это надо сделать, не откладывая в долгий ящик.

Сергей Сергеевич, в вашей статье, опубликованной в газете «Советская культура», вы затронули вопрос о всеобщей культуре права. Нельзя ли об этом подробнее.

Я говорил там о коварстве власти и о том, что это необходимо предотвратить, не допустить перерастания ее в тоталитарную власть. Шла речь и о культуре права. Под культурой права (это еще первые наброски) я понимаю нечто более значимое, чем правовая культура. Считаю, что это — достижения всей правовой системы, всей правовой материи в такой стадии, которая соответствует нынешнему уровню развития цивилизации, в том числе и правосознанию. Но это не только правосознание, не только правовая культура, а определенное состояние, характер всей правовой материи, всего того, что относится к правовой жизни, нормотворческому и правоприменительному процессам, общему состоянию права, его усвоению, всей правовой атмосфере. Например, право по своей природе никогда не может основываться на односторонних действиях. Знаете, я здесь напрямик бросил упрек кое-кому из наших коллег, тоже говорящих о правовой культуре. Дело в том, что односторонние действия со ссылкой на суверенитет как раз противоречат современной культуре права. Когда действовало силовое право, кулачное право — такое было возможно. А сегодня односторонние действия перечеркивают и культуру права, и само это право. Такова моя точка зрения.

Какова роль ученых, науки, в частности высшей школы, а я имею в виду и тех ученых, которые пришли работать в высшие законодательные органы, в осуществлении правовой реформы?

Уважение к юристам в связи с их участием в работе Верховного Совета, в проведении Съездов значительно возросло. Повышается и статус юридической науки. Раньше тон задавали, как правило, лишь москвичи. К слову сказать, я глубоко их чту, многие из них крупные ученые. Теперь пришло признание и «провинциальной» вузовской нау-

ки. Смотрите, А. А. Собчак — это Ленинградский университет, Ю. Х. Калмыков — Саратовский юридический институт, Ю. В. Голик — Кемеровский университет. . . Я тоже совсем недавно в академической науке, а до этого был в Свердловском юридическом институте. Повысился авторитет юристов среди депутатов, с ними считаются, к ним прислушиваются. Но этот уровень надо поддерживать, и сейчас одна из важнейших задач высшей школы — подготовка не просто юристов, а высококлассных специалистов. Требование времени, чтобы в вузах страны были организованы специальные подразделения, готовящие таких юристов. В первую очередь речь идет о судебных работниках, поскольку подготовка судей требует наиболее высокого уровня. В этом процессе будут выковываться высококвалифицированные и наиболее подготовленные к реальной жизни юристы. Нам нужно не просто больше юристов, не только ликвидировать дефицит юридических кадров, но главное — нужны специалисты высокой пробы, юристы высшего класса. Это очень сложная задача.